

**«Императорский университет»:  
система высочайшего вмешательства  
в жизнь российских университетов в первой половине XIX века**

Проблема описания просветительского дискурса власти и реальной организации училищ всех уровней в имперской России не может быть решена без анализа роли монарха в законодательном и практическом решении вопросов управления просвещением. Это важно как потому, что вся административная иерархия в этой сфере замыкалась на монархе, так и в силу традиционно патронального стиля властвования, который проявлялся в том числе в период обсуждения и реализации проектов социальных и политических реформ при Александре I.

19 июля 1801 г. при поднесении Александру I трудов Комиссии об учреждении училищ император был поименован «Всероссийским великим протектором наук».<sup>1</sup> Новые российские университеты, ставшие ядром системы управления просвещением, всем были обязаны верховной власти: своим возникновением, местоположением, определенными им нормами существования, размерами и порядком финансирования.

Темпы и масштабы университетской реформы 1802–1804 гг. кажутся уникальными не только в российском, но и в европейском масштабе. В эти годы была выбрана и нашла воплощение модель «национального университета», выглядевшая как почти последовательное заимствование германской модели организации университета с прививкой к ней австрийско-польской схемы централизованного управления университетами с наделением их самих административными функциями. В 2–3 года в дополнение к существующему Московскому университету было учреждено пять новых университетских центров (Дерптский, Виленский, Харьковский, Казанский университеты и Педагогический институт в Петербурге) и, соответственно, образовано шесть учебных округов.

Однако определение облика российских университетов и направлений заимствований университетских форм происходило в эти годы при минимальном участии императора. Сам Александр I университетов Европы не знал и доверялся в этом деле авторитетным советникам. Реорганизованная Комиссия училищ и сменившее ее Главное правление училищ активно использовали консультации своих европейских корреспондентов, среди которых были гёттингенский профессор К. Мейнерс, граф д'Антрег, дерптский профессор Г.Ф. Паррот.

<sup>1</sup> Описание дел архива МНП. Т. 1. Ред. С.Ф. Платонова и А.С. Николаева. Пг., 1917. С. 65.

Выработка модели университетской реформы происходила в 1801–1803 гг. в училищной Комиссии, однако окончательное решение по многим вопросам принималось в Негласном комитете. Нельзя недооценить роль членов Негласного комитета (Н.Н. Новосильцова, А. Чарторыйского, П.А. Строганова), составлявших в эти годы ближайшее окружение Александра I, в создании особого Министерства народного просвещения, выработке университетских уставов, выборе и приглашении иностранных профессоров. С точки зрения выявления их участия в создании конкретных документов и определении программы реформ особый интерес представляют остатки рассеянного архива Н.Н. Новосильцова, обнаруженные в фондах СПб ИИ РАН. Здесь сохранились как проекты 1802–1803 гг. с его правкой, так и более поздние, времен управления Новосильцова Виленским учебным округом.<sup>2</sup>

Любопытно, что в первой редакции манифеста «Образование министерств», Высочайше утвержденного 8 сентября 1802 г., относительно предполагаемого управления министерством просвещения было сказано: «Министерство воспитания юношества, народного просвещения, распространения наук и художеств возлагаем Мы на нашего действительного тайного советника и сенатора графа Строганова, которому в пособие назначаем тайного советника князя Ад. Чарторыйского, повелевая первому именоваться министром сего отделения, а второму вице-министром. В непосредственное ведение их входит Главное училищное правление со всеми попечению его предоставленными частями, Императорская Академия наук, Российская академия художеств, университеты, типографии как казенные так и частные, цензура, народные библиотеки, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук и художеств постановлены быть могут».<sup>3</sup> Таким образом, первоначально «молодые друзья» предполагали разделить обязанности по управлению просвещением между собой. Кандидатура П.В. Завадовского, в итоге назначенного министром, появилась только во второй редакции проекта Манифеста 8 сентября.

Существует точка зрения, что «избыточная» для российских условий автономия, определённая уставами начала XIX в. сначала для Дерптского, а по аналогии с ним и для других университетов империи была следствием внешнего влияния, в данном случае — настойчивости Паррота,

<sup>2</sup> Научный архив СПб ИИ РАН. Ф. 176 (Новосильцова). Оп. 1. Д. 4; Ф. 115: Коллекция рукописных книг. Оп. 1. Д. 1186. Новосильцову, назначенному Президентом Академии наук и попечителем С.-Петербургского учебного округа, принадлежала окончательная редакция и других основополагающих документов: проекта «Предварительных правил народного просвещения», Положения для Педагогического института, принятого 16 апреля 1804 г., измененного устава Виленского университета 1819 г. и др.)

<sup>3</sup> Научный архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 4 об.

ставшего на несколько лет доверенным человеком Александра I в этой сфере.<sup>4</sup> При малочисленности и пестроте ученой корпорации, слабости материальной базы, научных традиций университетов дарование корпорации столь широких прав, подобно средневековым (но не новременным) университетам было действительно не оправдано. Это напоминало воспроизведение образа независимого немецкого «доклассического» университета, «государства в государстве», архаичного для XIX в. и уже благополучно преодоленного в самой Германии.

Однако реформаторы наделили российские университеты чертами автономии не в равной мере и своеобразно ее уравнивали, распространив на университет министерскую систему управления, основанную на принципах централизации и единоначалия. Попечитель учебного округа (которому в свою очередь подчинялись Совет и Правление университета) являлся чиновником, подчиненным министру. Все же сколько-нибудь важные назначения внутри университета, не говоря уже о переменах в его структуре, утверждались императором по представлению министра. Смещение либеральных и централизаторских установок в правительственном университетском курсе отражалось и в позднейшем законодательстве.

В то же время *статус* университета как государственного учреждения, определенный законодательно, размывался просветительской установкой, звучавшей уже в самом обозначении *цели* университета. В уставах 1804 г. она определена как «приготовление полезных граждан Отечеству». Наиболее пафосная редакция этого определения звучит в неосуществленном проекте устава для Петербургского университета, представленном его попечителем С.С. Уваровым в 1819 г.: «образование наукой человека и в человеке гражданина»<sup>5</sup>. В то же время университету навязывалась многофункциональность государственного учреждения: он формировал цензурные, экзаменационные комитеты, организовывал публичные лекции для чиновников, вел управление делами округа.

Практики «императорского университета» 1800–1810-х гг. были ориентированы на обоюдное укрепление связи: император — университет, в форме *личного* покровительства. Не случайны личная доверительная переписка Александра I с Г.Ф. Парротом, личные отношения с московским попечителем Н.М. Муравьевым (учившим в детстве Александра русской истории), приближение Н.Н. Каразина, добившегося основания университета в Харькове, вопреки всем иным проектам.

<sup>4</sup> Андреев А.Ю. Император Александр I, профессор Г.Ф. Паррот и возникновение «университетской автономии» в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 19–30.

<sup>5</sup> С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Под ред. С.В. Рождественского. Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев. Пг., 1919. С. 88–89, 93.

Реакция учёного сословия выражалась в поднесении на высочайшее имя переводов и сочинений студентов и профессоров, посвящение их императору. Имели место, особенно в первое десятилетие реформ, прямые обращения к царю о нуждах университета, минуя формальные процедуры делопроизводства.

Ответом на такие обращения как правило были «всемиловитейшие пожалования на продолжение учёных трудов». Вероятно, столичные профессора, благодаря территориальной близости к Зимнему дворцу, чаще получали вспомоществование, нежели провинциалы. Так, в ноябре 1824 г. экстраординарный проф. Петербургского университета Щеглов получает одновременно 2 тыс. руб. на продолжение издания журнала «Указатель открытий по физике и химии».<sup>6</sup> В сентябре 1820 г. ординарный проф. словесности Толмачев был пожалован бриллиантовым перстнем за книгу «Похвальное слово императору Траяну», посвящённую Александру I.<sup>7</sup> Список таких пожалований, по архивным документам, весьма велик.

Император награждал и «благотворителей» университета, передавших ему коллекции, приборы или собрания книг, жертвовавших денежные суммы или недвижимость. Так, в 1807 г. бриллиантовым перстнем был награжден коллежский асессор Верт за пожертвование Педагогическому институту собрания медалей.<sup>8</sup>

Награды для профессоров, жалуемые лично императором, существовали помимо системы поощрений, определённой университетским законодательством. Для человека, удостоенного монаршей милости, открывались карьерные успехи. Так, «особые заслуги» М.А. Балугьянского, параллельно преподаванию работавшего в Комиссии по составлению законов, определили, при равной скорости чинопроизводства, большее по сравнению с коллегами, количество орденов и других знаков монаршей милости, ему пожалованных. Это, в конечном счёте, повлияло на его назначение ректором в 1819 г. Процедура выборов первого ректора университета оказалась непростой, поскольку еще не вступил в силу устав университета. Для проведения выборов С.С. Уваровым была написана инструкция, предписывавшая, в частности, в случае равенства голосов при баллотировке определять кандидатуру жребием. Так и произошло на самом деле: при баллотировке голоса членов Совета разделились поровну между М.А. Балугьянским и профессором всеобщей истории Эрнстом Раупахом. Выбор по жребию указал на Раупаха, видимо, достаточно популярного в среде профессоров-иностранцев (хотя он прослужил в

<sup>6</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 430.

<sup>7</sup> Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 203, 204.

<sup>8</sup> Там же. Ф. 139. Оп. 1. Ч. 1. Д. 289.

университете менее двух лет), но совершенно неизвестного и неугодного правительству. Представление министра А.Н. Голицына о «несообразности» такого выбора было утверждено императором в пользу назначения Балугьянского. Это означало весомую «практическую поправку» к декларируемому уставами принципу выборности профессоров и чиновников университета, внесённую лично императором.<sup>9</sup>

Патернализм в чистом виде, практикуемый представителями Императорского дома в отношении придворных, или гвардейской элиты, выражался в практике приглашения императора на роль крёстного отца. Такие просьбы имели место и со стороны профессоров, хотя не всякий профессор имел тогда чин даже VII класса, и в общественной иерархии стоял весьма низко. Тем не менее в 1809 г. по просьбе профессора логики и философии Педагогического института П.Д. Лодия Александр I согласился стать заочным воспитанником его сына.<sup>10</sup> Это обстоятельство резко повышало профессора («плебея» в глазах петербургского общества) в социальной иерархии. Крестник императора Александр Лодий впоследствии станет казённым пенсионером в Петербургской гимназии, поскольку это преимущество закреплялось за детьми профессоров. В 1831 г., окончив университет, он был утверждён учителем географии в гимназии.<sup>11</sup>

С начала 1810-х гг. традицией является приглашение профессоров Педагогического института и университета преподавать науки членам царской семьи. Так, В.Г. Кукольник с 1813 по 1817 г. преподавал римское и российское гражданское право великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. М.А. Балугьянский читал братьям царя энциклопедию прав и законоведение до 1819 г. В 1839 г. ректор И.П. Шульгин, покинув университет, был приглашён преподавать историю и статистику великому князю Константину Николаевичу.

Сложившееся постепенно в публике представление о Высочайшем покровительстве университетам как тенденции основывалось на реальных усилиях власти по пропаганде просвещения в первые годы реформ. Как отражение этого представления выглядит запись в дневнике С.П. Жихарева от 15 апреля 1806 г. о разговорах московских интеллектуалов: «Обедал у Антонского с Страховым (ректором Московского университета. — Т. Ж.), протоиереем Малиновским, Мерзляковым, Буле, Двигубским, Буринским... Говорили большею частью о новых университетах: Харьковском и Казанском, открытых в прошедшем году, хвалили очень выбор кураторов... Превозносили госу-

<sup>9</sup> Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 73: Об избрании и утверждении ректора С.-Петербургского университета.

<sup>10</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 75

<sup>11</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2618

даря, который так печётся о распространении просвещения, и удивлялись, что в такое беспокойное время он успеваеет всем заниматься».<sup>12</sup>

Встроенность высочайшего покровителя в «семейный стиль» университета подчёркивалась визуально: в рекреационной зале висел портрет императора, каждый день в университетской церкви возносились молитвы за здоровье императора и царской семьи. Складывался эффект присутствия императора в повседневной жизни университета.

Кульминационным моментом отношений монарха и учёного сословия были Высочайшие визиты в университет. Первое посещение Александром I Педагогического института в сентябре 1807 г. не было случайным. Это была своеобразная проверка эффективности курса на широкое демократическое просвещение, которая прошла удачно. Замечу, что визит совпал с приближением времени завершения курса студентами первого набора 1803–1804 г., им в это время уже было чем «блеснуть» перед «протектором наук».

По идее попечителя университета Н.Н. Новосильцова император должен был увидеть «рабочую» обстановку занятий, причём так, чтобы студенты могли продемонстрировать свои успехи в науках, которые им предстояло затем преподавать в гимназиях. Это достигалось тем, что в течение 2–2,5-часового присутствия Александра в аудитории вызывались преподавать по два студента «из каждой науки», и все прочие студенты готовы были бы «давать лекции». В день высочайшего присутствия в Институт должны были быть приглашены министры, члены Главного правления училищ, академики Академии наук. Императору «угодно было самому видеть плоды онаго столь важного дела, каково есть приготовление образователей юношества. ... Ему самому угодно было свидетельствовать познания и таланты тех, кому вверены будут надежды и подпора Отечества».<sup>13</sup>

Александр I прибыл 4 сентября 1807 г. сначала во 2-е отделение Института (где учился младший курс студентов, набранный в 1806 г.) «в начале 12-го часа», был встречен министром гр. П.В. Завадовским, попечителем учебного округа и президентом Академии наук Н.Н. Новосильцовым. «Преподавание наук началось с всеобщей истории, из которой студент Метлин читал о Генрихе IV, за ним студент Воронковский читал лекции из физики о естественном и искусственном видении (т. е. оптике), потом студент Карцов читал из химии о смешении воды и водотворном газе, студент Соловьев о кислотворном углекислом и кисленном соляном газах, студент Ефремов о происхождении газообразного вида;

<sup>12</sup> Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. Т. 1. М., 1989. С. 235.

<sup>13</sup> ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 227. Л. 5–6

студент Егорьевский читал из математики по оптике, студент Кастальский из ботаники о растениях вообще и, в особенности, о древесных, наконец, студент Александровский читал сочиненное им похвальное слово Пожарскому (относящееся к предмету эстетики)». Император изволил слушать всех студентов «с особенным снисхождением», после чего осмотрел библиотеку, кабинеты, «найдя оные в желаемом совершенстве». Пробыв в Институте почти 4 часа, он уехал оттуда, «изъявив особенную свою признательность начальству сего заведения».<sup>14</sup> В знак удвоительства всем профессорам были пожалованы бриллиантовые перстни, магистрам и учителям золотые табакерки. Из всех студентов, читавших лекции, был награжден один Александровский — золотыми часами. Эта награда потом показывалась во всех профессорских формулярах.

Через несколько месяцев состоялся беспрецедентный акт посылки сразу 12-ти «императорских стипендиатов», лучших студентов Института, в Европу для подготовки к профессорскому званию. Общая сумма затрат на три года их обучения за границей, рассчитанная в 80 тыс., была значительно превышена. Примерно треть этой суммы студенты издержали на оплату лекций и частных занятий профессоров Геттингена, Гельмштедта, Парижа и Вены. (Для сравнения — 120 тыс. руб. — это сумма, отпускаемая в год на каждый из университетов, определённая штатами 1804 г.). Вернувшись из-за границы в 1811—1812 гг. стипендиаты, сдали магистерский экзамен и заняли места адъюнктов, а впоследствии профессоров Петербургского университета.

Однако по мере убывания градуса «правительственного либерализма» успехи просвещения уже не казались такими обнадеживающими. Во время своего «триумфального» путешествия по Европе 1813—1814 и 1815 гг., Александр I имел возможность познакомиться с европейскими университетами. В 1814 г., будучи в Англии, он посетил Оксфордский университет, получив здесь степень почётного доктора. В 1816 г. он открывал Варшавский университет в Царстве Польском. Несколько раз Александр I посещал Виленский университет, тем охотнее, что его попечителем в течение многих лет был А. Чарторыйский. Проезжая Финляндию, император бывал в университете Або, перенесённом впоследствии в Гельсингфорс. Блеск Оксфорда и вполне европейский облик «окраинных» университетов империи в его глазах, вероятно, контрастировали с недоразвитостью других «детищ» форсированных реформ 1803—1804 гг.

Так, посещение царем Харьковского университета 17 сентября 1817 г. по пути со смотра 1-й армии в Могилеве принесло разочарование, о чем

<sup>14</sup> Там же. Л. 2. Хроника визита императора в Педагогический институт была напечатана в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения».

можно судить по дневникам флигель-адъютанта А.И. Михайловского-Данилевского. Мемуарист передает впечатление от этого визита: «Библиотека была малочисленна, а собрания инструментов и машин не полны, для приумножения оных требовались ещё большие издержки. Студенты похожи были на школьников, между профессорами не находилось ни одного человека, который бы снискал имя в учёном свете. Государь пожимал плечами, и я читал на лице его, что он недоволен. К тому же попечитель университета Карнеев начал по одиночке представлять Его величеству студентов, выкликая каждого по имени, причём они, выходя из толпы, делали государю смешные и неловкие поклоны. Император, увидя меня, стоявшего поодаль, подошёл ко мне и спросил по-французски: «Que penser-vous de l'université? (*Что вы думаете об университете?*)» — «Il faut avouer, — отвечал я, — qu'elle est encore bien arriérée (*Представляется, что он всё ещё очень отсталый*)» — «Je suis de votre avis (*Согласен с Вами*)», — сказал государь.<sup>15</sup>

Возможно, скепсис императора в отношении Харьковского университета преувеличен Михайловским-Данилевским, который, как известно, 2 года провел в Гёттингене, и мог перенести собственное впечатление от Харьковского университета на оценку императора. Но Александр был способен трезво соотнести то, что он увидел в Харькове, с весьма далеким идеалом университета, который виделся ему в начале реформ. При этом заметим, что мимо Харькова царь как «протектор наук», всё же не мог проехать, и это посещение тоже было знаковым. А вот Пушкин в 1829 г. спокойно поехал мимо, «не любопытствуя посетить Харьковский университет, который не стоит Курской реставрации», как снисходительно объяснял он читателю в предисловии к «Путешествию в Арзрум».<sup>16</sup>

Александр I мог бы ещё раз посетить Харьковский университет по пути в Таганрог в сентябре 1825 г. Предполагая это, только что назначенный попечителем округа В.А. Перовский готов был отбыть в Харьков навстречу императору, но маршрут последнего путешествия Александра был изменён.<sup>17</sup>

Важно подчеркнуть двойное значение титула «императорский университет»: как охранной грамоты и как указания на рядоположенность его другим имперским учреждениям. Интересно отметить, что официальное присвоение Петербургскому университету титула «императорский» состоялось только в конце 1821 г., в виде особой милости,<sup>18</sup> хотя и раньше в ведомствен-

<sup>15</sup> Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 76

<sup>16</sup> Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. СПб.: Геликон плюс, 2000. С. 16.

<sup>17</sup> РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 97: Наставления вновь определенным попечителям. Л. 15.

<sup>18</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 306: О всемиростивейшем даровании титула Спб. Императорского университета и печати.



ном и университетском делопроизводстве университет, и его предшественник — Педагогический институт назывались императорскими.

Статус императорских получили Варшавский и Абосский университеты. Торжественный визит Александра в Варшавский университет в 1816 г. был запечатлён в польской поэзии и живописи. Университет с этого времени назывался Императорским Александровским университетом.

В контексте сказанного отступление от просветительской риторики и репрессии 1819–1821 гг. против «вольномыслия и неверия», обнаруженного якобы в преподавании, можно связать не только с «борьбой партий» в Главном правлении училищ, но и с разочарованием Александра I в возможностях университетов «образовать новых людей». Его видимое безразличие к откровенному шельмованию профессоров Д.П. Руничем во время «дела» Петербургского университета «прорвалось» только однажды. В 1823 г. он якобы сказал министру народного просвещения А.Н. Голицыну, при докладе о результатах дисциплинарных акций в Петербургском университете: «Жаль, что я в таком святом деле погорячился».<sup>19</sup>

Эта реплика, между прочим, выявляет просветительские, а не полицейские симпатии, которые Александр I сохранил даже в критический для него период «борьбы с всеевропейским революционным заговором», частью которой воспринималось «оздоровление» духа преподавания в университете.

Совершенно иначе смотрел на университет Николай I. В отличие от брата, он «не доверял» университету изначально.

После событий в Царстве Польском 1830–1831 гг. Николай I закрывает Варшавский университет, «наказывая» его, как и Виленский, за участие польской студенческой молодежи в «мятеже». Библиотека Варшавского университета изымается как трофей, пополняя собрание Императорской Публичной библиотеки, кабинеты Академии наук. Петербургскому университету, по определению Николая, тоже досталась часть польских ученых «трофеев» — физические и математические инструменты из собрания Варшавского общества любителей наук.<sup>20</sup>

Новый Киевский университет, учреждённый вместо ликвидированных, не был польским по составу и рассматривался, прежде всего, как проводник государственного национализма и лояльности. Министр просвещения С.С. Уваров в речи на открытии Киевского университета в июне 1833 г. назвал его «умственной крепостью, воздвигнутой вблизи военной» (т. е. Варшавской цитадели. — Т. Ж.).

<sup>19</sup> Пекарский П. О жизни и трудах К.И. Арсеньева. СПб., 1862. С. 64.

<sup>20</sup> РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 402: По отношению управляющего Гл. штабом Е.И.В. с объявлением Высоч. повеления о переводе из Варшавы в Петербург тамошней Публичной библиотеки и др. собраний по части наук и художеств. Л. 220.

Люди университета в николаевское время рассматривались, прежде всего, как государственные чиновники. Так же, как во всех учреждениях, в марте 1826 г. в дни похорон Александра I происходило их «отряжение» в «печальную комиссию», причём число лиц, представляющих университет, было определено сверху.<sup>21</sup> Присяга новому императору и подписка о непринадлежности к тайным обществам в апреле 1826 г. так же как в 1822 г., профессорами оформлялась подобно другим военным и статским чиновникам (именные подписки по Петербургскому университету и Академии наук хранятся в РГИА<sup>22</sup>).

Судя по формулярам профессоров, порядок награждений и продвижения в университетской иерархии в николаевское время зависел не столько от способностей и результатов учёной и преподавательской деятельности, сколько от определённых для всех чиновников норм и правил выслуги. Пожалование ордена, повышение в чине, получение знака отличия беспорочной службы, дополнительная часть к пенсии, для профессора определялось, исходя, прежде всего, из общего срока службы, а также зависели от близости ко двору, участия в работе высших государственных учреждений, но не от результатов собственно учёной деятельности. Поэтому наиболее талантливые из профессоров Петербургского университета Д.С. Чижов, или Ф.Б. Грефе оказались ничем особо не отмечены, а бездарный А.А. Дегуров, случайный для университета человек, оставался ректором 10 лет, при этом, даже не читая лекций, ещё несколько лет получал все мыслимые награды и прибавки к жалованию как высший чиновник университета.

В 1826 г. для профессоров и студентов становится обязательным ношение мундиров. До этого форменная одежда, определённая уставами 1804 г., носилась, в основном, казенными студентами, а профессора и своекоштные студенты часто заменяли её партикулярным платьем. Вопрос о ношении униформы был поднят в сентябре 1825 г., когда Комитет министров обсуждал записку министра народного просвещения А.С. Шишкова, считавшего, что введение студенческих мундиров облегчит присмотр за воспитанниками и придаст учебным заведениям «вид порядка и благоустройства».<sup>23</sup>

Студенческий мундир с особым цветом ворота, обшлагов и типом шитья для каждого университета, существовавший ранее, изменил крой и цвет, а главное — обряд ношения униформы на разные случаи был

<sup>21</sup> ЦГИА СПб. Ф. 14. Д. 659, 667, 672.

<sup>22</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 247: О закрытии всех масонских лож и других тайных обществ... по МНП. 1822—1826. Д. 248: О закрытии всех масонских лож и других тайных обществ по ведомству СПб. учебного округа. 1822.

<sup>23</sup> *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России. СПб., 1999. С. 304—305.

чётко регламентирован, а малейшие упущения наказывались. По закону от 27 февраля 1834 г. студенты всех университетов получили тёмно-зелёные мундиры, на тёмно-синих суконных воротниках которых полагались золотые или серебряные петлицы из галуна. В «Правилах для студентов С.-Петербургского университета» говорилось, что в одежде студенты должны соблюдать установленную форму и опрятность, не носить усов и длинных причёсок. Сверх того во всех публичных собраниях, на гуляниях и на улице полагалось ходить при шпаге, быть застёгнутыми на все пуговицы и крючки воротника. Пёстрые брюки и галстуки при форменной одежде носить запрещалось.

Важным атрибутом «императорского» университета были всевозможные формы нерегламентированной материальной помощи его членам из императорских сумм. С первых лет университетской реформы вводились особые *императорские стипендии*, иногда они испрашивались просто для студентов, принятых сверх комплекта. При Николае I они приобрели отчётливую идеологическую нагрузку. При Александре — это обычные стипендии «по поводу»: так, в 1816 г. в С.-Петербургской гимназии была учреждена стипендия для детей офицеров, погибших в Отечественной войне. Если эти стипендиаты поступали в университет, стипендия сохранялась за ними до его окончания. Встречаются при Александре I случаи персонального обучения кого-то из студентов на средства Кабинета Е.И.В. В 1818 г. на казённое содержание в благородный пансион при Педагогическом институте были определены сыновья Иванова — камердинера Александра I — Николай и Пётр.<sup>24</sup> При этом ни царя, ни министерское начальство не смутило, что Благородный пансион был по составу учащихся преимущественно дворянским заведением. В начале 1820-х гг. в университет и гимназию императорскими стипендиатами было зачислено несколько кавказских воспитанников.<sup>25</sup>

При Николае I стипендиат должен был быть лично известен императору, стипендии приобретают персональный характер.

Одной из форм публичности для университета, позволявшей апеллировать к высочайшему покровителю были *торжественные акты*. На фоне равнодушия общества к университету они имели значение презентации университета как учреждения, покровительствуемого верховной властью. Для Петербургского университета знаковым событием стало возвращение в реконструированное здание Двенадцати Коллегий. По этому случаю 25 марта 1838 г. был устроен первый

<sup>24</sup> ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Т. 1. Д. 1988 (1818 г.).

<sup>25</sup> См.: Там же. Д. 3918: По предписанию министра о принятии в число вольноприходящих студентов СПб. гимназии братьев Жафаридзевых.

широкий публичный Акт. На Акте ректором университета историком И.П. Шульгиным была произнесена речь, в которой воедино связывались имена Петра I (основателя первого университета при Академии наук) и Николая I, «устроителя» нынешнего прочного существования в новом «старом» здании, где Педагогический институт размещался с 1803 г.

Высочайшее покровительство университету распространялось и на его выпускников. С 1838 г. по инициативе министра народного просвещения С.С. Уварова, императору подавались списки отличнейших выпускников русских университетов с тем, чтобы «оказываемо было некоторое снисхождение к их семейному положению и к дальнейшему назначению на поприще государственной службы».<sup>26</sup>

Как и Александр I, Николай также лично посещал университеты. Так, в 1831 г. он посетил Московский университет и Петербургский Главный Педагогический институт. Для Московского университета, в котором, по данным III отделения, действовали сомнительные литературные кружки и общества, этот визит имел значение «принятия свидетельства в благонадёжности». Для того, чтобы подтвердить факт искоренения либерализма в Московском университете, спустя год с ревизией туда был послан товарищ министра народного просвещения С.С. Уваров.

Николай I относился к студентам почти так же, как к кадетам или молодым офицерам. Он мог распечь их «по-отечески», сделать строгие внушения их начальникам, как если бы это были военные чиновники. Студенты были обязаны при встречах отдавать честь членам царской фамилии и генералам «особым образом»: становясь во фронт и сбросив с плеч шинель, как это требовалось от офицеров. Этот ритуал был не лишён комизма в глазах мемуаристов. Выпускник Петербургского университета Н.Ф. Оже де Ранкур вспоминал, как его товарищ, возвращаясь с лекций со стопкой книг и тетрадей под мышкой, встретил генерала и, согласно предписанию, поспешил сбросить шинель, при этом «книги рассыпались, а с ними вместе и шинель упала на тротуар, рассмеялся генерал, рассмеялся и студент».<sup>27</sup>

А вот студентам Петербургского университета Маркову и Сологорскому было не до смеха, когда попечитель округа вызвал их к себе и старался выяснить, «не кроется ли в молодых людях дух вольнодумства, дерзости или непокорности к властям». Поводом для допроса была встреча Маркова и Сологорского с Николаем I, при которой студенты от растерянности не отдали государю чести. Император до-

<sup>26</sup> Сборник постановлений. 2-е изд. Т. 2. СПб., 1874. Ст. 1420.

<sup>27</sup> *Оже де Ранкур Н.Ф.* В двух университетах. (Воспоминания 1837–1843 гг.) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 6. С. 571.

вёл этот случай до сведения министра С.С. Уварова, а тот указал попечителю «исправить оный беспорядок и ввести лучшую бдительность в наставников юношества».<sup>28</sup>

Решение об исключении студентов до 1820-х гг. принималось на уровне попечителя, а впоследствии требовало доведения до сведения министра. Впрочем, у исключённого были шансы быть восстановленным, в том случае, если в его поведении не усматривалось политических мотивов. Документы свидетельствуют о том, что факты «политической неблагонадёжности» студентов всегда доводились до сведения Николая I, многие из подобных дел хранят его резолюции. На примере дела об отклонении просьбы бывшего студента Московского университета А. Рогова видно, что министерство аргументировало свой отказ, прежде всего, тем, что после исключения молодой человек находился под надзором полиции, т. к. был замешан в одном из тайных обществ. Уже по этой причине устав 1835 г. не позволял ему получить звание действительного студента.<sup>29</sup>

Интересно в этой связи дело студента Петербургского университета П. Вердеревского.<sup>30</sup> Студент III-го курса юридического факультета П. Вердеревский и студент IV курса Д. Бибиков (тоже юрист) вместе с другими студентами ужинали в ресторации Дюсо, где между молодыми людьми произошел пустяковый спор. Разгорячённые вином юноши договорились о дуэли. В тот же вечер (!) об этом было доложено попечителю округа. Будучи вызваны им, молодые люди уверяли, что важной ссоры не было, и что они уже помирились. После чего Бибиков был отослан к матери, а Вердеревский, замеченный и прежде в «неблагонадёжном поведении», оставлен под арестом на 3 дня. Возможно, дело не получило бы продолжения, если бы молодые люди не оставили намерения драться и вновь не условились о месте и времени дуэли. Своевременная информация об этом вновь достигла попечителя, который теперь обратился к министру и ходатайствовал об исключении Вердеревского. Бибикова же решено было оставить в университете из уважения к долговременной службе его отца, Киевского генерал-губернатора. На основании Высочайшей резолюции, Вердеревский был исключен из университета и выслан на Кавказ рядовым, с выслугой не прежде трёх месяцев. Прочие студенты, участвовавшие в пирушке, за неуведомление университетского начальства о дуэли были арестованы на неделю. Такое наказание за несуществующую вину мог определить только император.

Не менее показательна как пример вмешательства в дела университета резолюция императора на деле студента Н.Н. Митинского

<sup>28</sup> РГИА. Ф. 735 (Канцелярия министра народного просвещения). Оп. 1. Д. 144. 1826. Л. 5.

<sup>29</sup> РГИА Ф. 733. Оп. 29. Д. 146. 1828 г.

<sup>30</sup> Там же.

(1832).<sup>31</sup> Ещё во время обучения он был не раз замечен в пьянстве и дисциплинарных нарушениях. Но вопреки действующему постановлению от 21 апреля 1811 г., которое предписывало казённых студентов из духовного звания и разночинцев, «уличённых во вредных преступлениях и развратного поведения», отсылать в военную службу,<sup>32</sup> он, не кончив курса, был отправлен в Псковское уездное училище. Это и был род наказания, практиковавшегося в отношении плохо успевающих казённых студентов. Другой причиной, объяснявшей это типичное отступление от действующего закона, была нехватка народных учителей. Вскоре после отъезда на место службы Митинский был снова замечен в пьянстве и, в конце концов, отстранён от должности. От военной службы молодого человека спасло лишь вмешательство отца. На листах дела значится странная ремарка Николая I, карандашом: *«Не могу не заметить ни с чем не сообразного распоряжения Министерства народного просвещения, которое безнравственного студента допустило не только к учительской должности, но даже назначило в надзиратели в пансион. Подобное небрежение к первейшей обязанности доказывает ясно в глазах моих, что нет порядка, ни чувств благородных в тех лицах, через руки коих сие дело шло; виновным сделать строжайший выговор и внести в формулярные списки»*.<sup>33</sup>

Так сложилось, что задолго до возникновения «университетского вопроса», т.е. общественного внимания к проблеме университетской автономии и задолго до превращения студенчества в «передовой отряд» борцов с самодержавием, университеты оказались на подозрении по одному факту своего существования. Десятки дел о предполагаемых тайных студенческих обществах, о заражённости революционными идеями (признаком чего могло служить только выражение «республика», услышанное от студента и записанное доносчиком) — проходят через Секретную канцелярию Министра народного просвещения. Все они доводились до императора. Типичное дело «О дошедших до императора слухах, будто студенты Петербургского университета намерены при экзамене освистать попечителя и даже коснуться его орденских знаков» (июнь 1848).<sup>34</sup>

Красноречивы резолюции Николая I на министерских отчётах С.С. Уварова, представляющие собой образчик стиля «руководства просвещением». На отчёте об обозрении Московского университета 1832 г. против «сильных» выражений Уварова об упадке университета в общественном мнении, необходимости «морального» руководства уча-

<sup>31</sup> РГИА Ф.733. Оп. 22. Д.33. 1832-1834 гг. Л. 34.

<sup>32</sup> Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1: 1802–1825. СПб., 1864. Стлб. 686.

<sup>33</sup> Там же. Л. 38. Автограф Николая I карандашом на полях.

<sup>34</sup> РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 209.

щимися помимо учёных занятий, царь многократно отметил: « ~ » [согласен]; о необходимости издания нового учёного журнала — «я то же полагаю», против фамилий, отмеченных Уваровым профессором: «можно представить к награде»; на записке министра К.А. Ливена об оставлении цензурных функций за университетом — «посмотрим, что будет». О необходимости укрепления авторитета университетов, что было его любимой идеей, Уваров пишет: «Удачное разрешение этого вопроса придало бы новый блеск царствованию...». Николай добавляет: «и прочность существующему порядку».<sup>35</sup> Император мыслил теми категориями, которые Уваров как идеолог царствования вскоре талантливо озвучил.

И всё же наблюдение политической полиции за студентами в 1820–30-х гг. не было столь пристальным, как за литературой и литераторами. Дел о студенческих обществах сравнительно мало, хотя общества были (но сведения о них откладывались не в делопроизводстве III отделения, а в Секретном столе канцелярии Министра народного просвещения). Исключения — польские студенческие сообщества в Западном крае и корпорации студентов-поляков в Петербурге, которые питались идеями национального возрождения.

С.С. Уваров последовательно стремился отвести от университета подозрение в неблагонадёжности, что следует из его годовых отчетов по министерству. Министр пытался доказать, что российский императорский университет со своей задачей воспитания юношества и отвлечения его от политики вполне справляется. Несостоятельность такой картины стала вполне очевидна в конце 1840-х гг., когда были раскрыты кружок Петрашевского, братство Кирилла и Мефодия, с участием не только студентов, но и преподающих в университете. Угроза разрушения университета как «оплота лояльности» под влиянием революций в Европе 1848 г. привела Николая I к идее вообще закрыть университеты. Отправленный в отставку Уваров этому помешать не мог, хотя и пытался. В итоге в 1848 г. число студентов во всех университетах было ограничено более чем в 2 раза за счет резкого сокращения приёма своекоштных, а казённые студенты оказались под еще более жёстким контролем инспекции.

Подводя итог, можно отметить существенную эволюцию отношения верховной власти к университету за полвека: от патронажа и покровительства — к системе контроля и репрессивного регулирования деятельности. На российский университет начала XIX в. был распространён образ «средневековой автономии» под покровительством власти. В сред-

<sup>35</sup> РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 421: Об осмотре товарищем министра С.С. Уваровым Московского университета и гимназий. 1832–1833. Л. 14, 15, 19, 44.

невековой Европе элементом «легитимации» университета была «охранная грамота» от герцога, короля, курфюрста, или церковных властей, которой провозглашался правовой и финансовый иммунитет учреждения. Знаком особого покровительства было перенесение имени патрона на университет (Академия «Густавиана», «Каролиниум»). «Учредительная грамота», дарованная каждому университету Александром I, имела то же символическое значение. Не случайно она соответствующим образом оформлялась и ныне выставляется в музеях Казанского и др. университетов. Российским университетам (всем безраздельно) в начале XIX в. в уставах был присвоен статус «автономных». Однако практики управления ими обнаруживали тотальную зависимость в идеологическом, материальном, кадровом отношении от поддержки власти. По мере обретения самостоятельности университеты от этой опеки отнюдь не избавились, она сохранялась как условие их существования.

Деятельность «автономного» университета в российских условиях в начале XIX в. выявила не только слабость его учебно-научных возможностей, но и ничтожность его социальной роли, которую власть первое время поддерживала своим авторитетом. Впоследствии главной проблемой управления университетами стала затруднённая контроль за «преподаванием наук», приобретающих сложную номенклатуру и универсальный характер. Жёсткое кадровое регулирование вступало в противоречие с целью университета и всё возрастающей потребностью в специалистах-интеллектуалах. Растущая политизация студенчества и профессуры привела к конфликту власти и университета в конце 1840-х гг. Конфликт был ещё скрыт, но властью вполне осознан. Постепенно «императорский университет» становится институтом, оппозиционным власти, что ставит задачу создания системы нейтрализации этой оппозиционности, умного, но жёсткого администрирования. Отступления от этой стратегии в 1863 или 1906 гг. были вынужденными, но недолгими.